

Л.А. Винокурова (Москва, Россия)

Ипостаси лирического субъекта поэтических циклов И.Г. Крховского 1990-х гг. в контексте эпохи

Аннотация: В статье на материале лирики 1990-х гг. современного чешского поэта И.Г. Крховского (р. 1960, настоящее имя – Иржи Гашек) рассматривается категория лирического субъекта, в которой проявляется экзистенциальная неопределенность, испытываемая автором в условиях перемен, происходящих в Чехословакии (позже Чехии) после Бархатной революции 1989 г. Определяющим для системы ипостасей лирического субъекта становится барочное противопоставление «души без тела» («персона нон грата») «телу без души» (маргинальные личности), попытки преодолеть которое предпринимают ипостаси «современного» Иисуса Христа, разбивающего зеркало – неоромантический символ разделения двух миров, и поэта-неодекадента, в котором совмещаются личности автора-творца (Иржи Гашека) и внутритекстового автора (И.Г. Крховского, «кладбищенского» поэта). Сложно устроенная субъектная структура социально-критической лирики И.Г. Крховского (автор-творец – внутритекстовый автор – лирический субъект – его ипостаси) позволяет говорить о предпринятом Крховским исследовании глубин человеческой души, в чем отражается характерная для чешской поэзии 1990-х гг. концепция мини-вселенной в разуме отдельно взятой личности.

Ключевые слова: субъектная структура лирического текста, лирический субъект, социально-критическая поэзия, чешская поэзия, экзистенциализм, взаимодействие души и тела

L.A. Vinokurova (Moscow, Russia)

Hypostases of the Lyrical Subject of the Poetic Cycles of J.H. Krchovský of the 1990s in the Context of the Epoch

Abstract: The article focuses on the lyrics of the 1990s written by the contemporary Czech poet J.H. Krchovský (b. 1960, real name – Jiří Hašek) and examines the category of the lyrical subject, which manifests the existential uncertainty experienced by the author in the conditions of changes taking place in Czechoslovakia (later the Czech Republic) after the Velvet Revolution of 1989. The system of hypostases of the lyrical subject is determined by the Baroque opposition of ‘soul without body’ (‘persona non grata’) to ‘body without soul’ (different marginal individuals), which is attempted to be overcome by the hypostase of the ‘modern’ Jesus Christ who breaks the mirror, a

neo-romantic symbol of the separation of two worlds, and by the neo-decadent poet who combines the author-creator (Jiří Hašek) and the intra-textual author (J.H. Krchovský, the 'cemetery' poet). The complex subject structure of Krchovský's social-critical poetry (author-creator – intra-textual author – lyrical subject – his hypostases) allows one to speak of Krchovský's study of the depths of the human soul, which represents the concept of a mini-universe in the mind of a single individual, that is quite representative for the Czech poetry of the 1990s.

Key words: subject structure of lyric poetry, lyrical subject, social-critical poetry, Czech poetry, existentialism, soul-body interaction

И.Г. Крховский (р. 1960, настоящее имя – Иржи Гашек) – современный чешский поэт, выходец из третьей волны чехословацкого андеграунда, в творчестве которого переосмысляются традиции европейского декаданса, барокко и сюрреализма. Начав публиковаться в самиздате в конце 1970-х гг., Крховский выпустил более двадцати сборников стихотворений, среди которых «Ночи, после которых не наступает утро» («Noci, po nichž nepřichází ráno», 1991), получившие в 1992 г. престижную литературную премию чешского андеграундного журнала «Револвер Ревью».

В творчестве Крховского отразились перемены в поэтике чешской литературы, происходившие в 1980–2000-х гг. и обусловленные изменениями в обществе Чехословакии (позже Чехии). Так, одной из основных особенностей поэзии Крховского является «переменчивая и неопределенная идентичность лирического субъекта, который постоянно меняет роли, но не находит своей истинной жизненной позиции»¹, что отражает творческие метания, испытываемые многими поэтами в переломные для чешской культуры 1990-е гг., когда литература, по выражению литературоведа И. Травничека, переходила от этапа «эйфории» после Бархатной революции 1989 г. к этапу «разочарования», после чего на рубеже тысячелетий наконец наступила стадия «примирения», ознаменовавшая формирование более-менее устойчивой картины дальнейшего развития литературы².

Как следует из работ чешских литературоведов Д. Пацковой и Вл. Райзингера³, 1990-е гг. можно считать переходным периодом не только для чешской культуры, но и для творческого пути Крховского, поскольку именно тогда началось изменение его поэтики от острой социально-критической к экзистенциальной, наиболее ярко проявившееся в 2000-х гг. и вызванное усиливающимся ощущением экзистенциальной неопределенности, все яснее проглядывающей сквозь эпатаж лирического субъекта. Так, с экзистенциальной неопределенностью лирического субъекта связана тема двойничества, реализуемая в поэзии Крховского с помощью барочного мотива расщепления души и тела.

Еще в цикле «Тень моего черепа» («Mé lebky stín», стихотворения 1989–1991 гг.) появляется мотив чуждости миру лирического субъекта, определяемого Крховским как «персона нон грата»⁴, которого «не знает никто из оставшихся в живых»⁵. Этот же мотив продолжается в цикле «Еще мгновенье» («Chci ještě

¹ Pilař M.J. H.K: Noci, po nichž nepřichází ráno // V souřadnicích volnosti. Česká literatura devadesátých let dvacátého století v interpretacích / Red. P. Hruška. Praha, 2008. S. 95–99.

² Trávniček J. Ve studených vodách svobody: Česká literatura 1989–2009 // Host. 2010. Roč. 26. № 10. S. 33–38.

³ Reisinger V. Klíště klíštěti // Tvar. 2010. Roč. 21. № 17. S. 21; Pačková D. J.H. Krchovský: Už jen beznaděj mé trapné existence skýtá mi naději // Mladá fronta Dnes. 1998. Roč. 9. № 280. S. 16.

⁴ Krchovský J.H. Básně sebrané. Brno, 2010. S. 95: «Persona non grata».

⁵ Ibid. S. 98: «Mne nikdo z pozůstalých nezná».

chvíli», стихотворения 1992–1994 г.), где лирический субъект, которому «бытие кажется неловким»¹, не может вынести не только «взгляд на что-либо (и это взаимно)»², но и «взгляд собственных глаз»³, отраженных в зеркале, что символизирует его неспособность к диалогу с самим собой.

Неприятие лирическим субъектом себя, отторжение личности от оболочки и оболочки от личности приводит к тому, что собственное тело ощущается лирическим субъектом как «чужое»⁴. Характерен мотив самопоедания: например, в цикле «Еще мгновенье» лирический субъект «с салфеткой вокруг шеи жует свое сердце в темноте»⁵. Ощущение давления внутри лирического субъекта метафорически сравнивается Крховским с давлением под водой: «Утро или вечер? Не знаю... Все еще в сумерках / глубоко на дне моря в обломках затонувшего корабля / под воздухонепроницаемым небом я зажат ледяным сводом сам в себе, или наоборот, трудно сказать»⁶.

«Зачем терпеть?! – продолжает лирический субъект. – Меня что, кто-то заставляет? – / один в другом, в первом второй – до умопомрачения / Один в едином теле мы оба задыхаемся от ужаса / в натянутой коже космического клаустрофоба»⁷. Амбивалентность души и тела, которые то соединяются, то разъединяются, отражена в образе-символе «двух змей, вцепившихся друг в друга»⁸, восходящем к уроборосу – символу циклического чередования жизни и смерти. По мысли Крховского, «душа без тела и тело без души»⁹, существующие вроде бы сообща в одном лирическом субъекте, – это «две обнаженные жертвы – два обнаженных убийцы»¹⁰ (цикл «Все как прежде» / «Všechno je jako dřív», стихотворения 1995–1996 гг.).

С этим же связан автобиографический мотив раздвоения личности, воплощающийся в циклах Крховского 1990-х гг. в символе маски. Маской является даже действительное лицо лирического субъекта: «Иду сквозь осеннюю ночь на карнавал, – пишет Крховский, – в самой жестокой из своих масок – то есть без нее»¹¹. При этом за маской нет личности, там пустота, поэтому в цикле «Еще мгновенье» лирический субъект заявляет, что «бояться [в темноте] нечего, здесь никого нет. Никого, включая меня»¹². Хотя лирический субъект «смертельно устал от этой скучной роли играть самого себя, – что он есть»¹³, он, этот, по выражению Владислава Райзингера, «готический маскардер»¹⁴, все равно «спешит стать королем на бале-маскараде»¹⁵.

С «масками» лирического субъекта Крховского соотносится целый ряд маргинальных личностей – ипостасей лирического субъекта, призванных изобразить

¹ Ibid. S. 129: «Tak zdá se mi být moje existence trapná».

² Ibid. S. 123: «Nesnesu pohled na nic (-což je oboustranně platné)».

³ Ibid. S. 130: «Nemohu snést ten pohled, pohled vlastních očí».

⁴ Ibid. S. 237: «Že beztak dlím tu v těle cizím».

⁵ Ibid. S. 137: «S ubrouskem kolem krku potmě žvýkám svoje srdce».

⁶ Ibid. S. 115: «RÁNO, ČI VEČER? NEVÍM... STÁLE ZA SOUMRAKU / hluboko na dně moře v potopeném vraku / pod neprodyšným nebem sevřen klenbou ledu / sám v sobě, nebo naopak, říct nedovedu».

⁷ Ibid.: «Proč tohle snášet?! Což mne k tomu někdo nutí? / – jeden v druhém, v prvním druhý – do zblbnutí / Sám v jediném těle dusíme se hrůzou oba / v napjaté kůži vesmírného klaustrofoba».

⁸ Ibid. S. 160: «Dva v sebe vpletení uštknutí plazi».

⁹ Ibid. S. 168: «Duše bez těla a tělo bez duše».

¹⁰ Ibid. S. 160: «Dvě nahé oběti – dva nazí vrazi».

¹¹ Ibid. S. 112: «A dál podzimní nocí kráčím na karneval / v té nejkrutější ze svých masek – totiž bez ní».

¹² Ibid. S. 136: «Ach, nač ten strach, nikdo tu není. Nikdo, včetně mne».

¹³ Ibid. S. 126: «UNAVEN K SMRTI NUDNOU ROLÍ / sám sebe hrát, – že jsem».

¹⁴ *Reisinger VI. Klíště klíštěti // Tvar. 2010. Roč. 21. № 17. S. 21.*

¹⁵ Křchovský J.H. 2010. S. 112: «Spěchám stát se králem na maškarním bále».

отсутствие души при преобладании телесных нужд, которые они стремятся всеми силами удовлетворить. При этом, как пишет Крховский в цикле «Тень моего черепа», «из-за моих предательских наклонностей вечность начинает терять ко мне интерес»¹, что демонстрирует осознание одной ипостасью лирического субъекта («душой без тела») нравственное падение других («тел без души»). Примером подчинения этих ипостасей своей телесности может быть стихотворение «Еще в автобусе по дороге туда она заинтересовала меня», где описывается встреча лирического субъекта с такой же эротоманкой, как и он, в павильоне обезьян². Беспорядочности связей лирического субъекта способствует и алкоголь: «Теперь-то я знаю, – говорит он в одном из стихотворений, – <...> что я не должен был напиваться как прелат / и что не нужно ничего совать туда, куда не нужно / – особенно незнакомым женщинам»³.

Для построения образа «тела без души» Крховский часто обращается к поэтике нуара с его черной иронией и обманчиво спокойными картинками, повергающими читателя в ужас. По справедливому замечанию чешской исследовательницы Эвы Марковой, иногда достаточно просто посмотреть на происходящее глазами лирического субъекта, чтобы «по коже побежали мурашки»⁴. В качестве примера Маркова приводит лаконичное стихотворение из цикла «Еще мгновенье»: «Беспокоясь, не сделаю ли я чего-нибудь снова / я подошел к краю площади, потом к ее центру / и постоял там немножко и смотрел на акробатов / им было около пятнадцати... Потом сразу ушел домой»⁵.

В качестве ипостаси лирического субъекта «тело без души» выступают различные маргиналы: извращенец, пьяница, сквернослов, насильник, эротоман и т. п. Объединяет их то, что они подчинены своим телесным нуждам, предаваясь страстям, похоти, разврату. «Тела без души» противопоставлены Крховским «душе без тела» – лирическому субъекту, который не заботится ни о чем, кроме своего экзистенциального статуса, причем, страдая от разобщенности тела и души, не делает ровным счетом ничего для преодоления границы, разделяющей их. Но и «душа без тела», и «тело без души», будучи противопоставлены друг другу, все же являются частью одной личности, в разных ситуациях ощущающей себя то «душой без тела», то «телом без души».

Попытку если не объединить тело с душой, разделенные зеркалом, то хотя бы примириться с этим разделением предпринимает еще один лирический субъект, так называемый «современный» Иисус Христос, чей образ, появляющийся еще в цикле «Тень моего черепа», первом после Бархатной революции, складывается из крошечных, едва уловимых деталей. Сидя с бокалом перед зеркалом «наедине с собой и сам в себе один»⁶, он делает попытку примирить себя со своим отражением – «поднимает тяжелую чашу искупления»⁷ (по-чешски «usmíření» в зависимости от контекста значит и «примирение», и «искупление»): «Стекло зазвенело

¹ Ibid. S. 232: «A právě pro mé sklony věrolomné / začíná věčnost ztrácet zájem o mne»

² Ibid. S. 116: «V rozkroku mokrá vyšla z pavilonu opic»

³ Ibid. S. 149: «Teď to vím, co jsem měl, a co ne dělat / že jsem se nemusel ožrat jak prelát / a že jsem neměl nic strkat, kam nemám / – především hlavně ne neznámým ženám»

⁴ Marková E. Potmě žvýkám svoje srdce: O lyrických subjektech v díle J. H. Krchovského // Litenky. 2010. Roč. 6. №6(44). S. 29–31.

⁵ Krchovský J. H., 2010. S. 143: «PLN OBAV, ZDALI ZASE NĚKDE NĚCO NEPROVEDU / došel jsem na kraj náměstí, pak zvolna k jeho středu / a tam jsem chvíli stál a pozoroval akrobatky / bylo jim kolem patnácti... Hned potom šel jsem zpátky»

⁶ Ibid. S. 97: «SE SEBOU SÁM, A SÁM I V SOBĚ SAMÉM»

⁷ Ibid.: «Pozdvihám těžký pohár k usmíření»

о стекло; один перед пустой рамой / я пью свою кровь и осколки с амальгамой»¹. Таким образом, совершается десакрализованная евхаристия (вино становится кровью), а зеркало, символ разделения души и тела, разбито, что дает надежду на возможное их примирение.

Религиозные и христологические мотивы – во многом в связи с приближающимся рубежом тысячелетий – особенно сильны в цикле «Все как прежде», в котором отражены определенные семантические сдвиги в традиционных христианских символах, – как говорит «современный» Христос, «все как прежде; только чуть-чуть по-другому»². Например, крест, не теряя своего библейского значения, становится в новых реалиях источником не только страданий, но и тепла: ощущая себя распятым, «современный» Иисус «обнимает свой собственный крест в желании согреться»³. Изменения в восприятии касаются не только креста, но и голубя и оливковой ветви – символа мира: в стихотворении «Тайная вечеря» («Poslední večeře», буквально «Последний ужин») «единственное меню» лирического субъекта и его тени – «голубиные грудки, гарнир – ветвь»⁴. Изменения претерпевает и терновый венец, символ крестных мук: «Вынуть терн из задницы? – саркастически интересуется «современный» Иисус. – Скорее уж задницу из терновника»⁵.

Впрочем, несмотря на десакрализацию религиозных символов, в которой отражается нарастающее разочарование Крховского, все же, по словам «современного» Иисуса, «уже его обреченность дает ему надежду»⁶ – на то, что его библейская жертва не окажется напрасной, и человечество, с одной стороны погрязшее в грехах, в телесности, а с другой – представляющее собой буквально заблудшую душу, потерявшую тело, все же будет способно перебороть тлен и духовное разложение. Вместе с этим в контексте в общем декадентской, кладбищенской лирики Крховского («křčov» – по-чешски «кладбище») надежда обреченного, дословно «безнадежного»⁷ «современного» Иисуса, вероятно, может заключаться и просто в близящемся избавлении от жизни.

«Современный» Иисус в поэтическом мире циклов Крховского 1990-х гг. – единственная ипостась лирического субъекта, которая *в самом деле* пытается примирить душу с телом. «Меня нет? – спрашивает лирический субъект в цикле «Все как прежде», стоя перед пресловутым зеркалом, и тут же отвечает: – Я есть! И она... Ее нет, и все же она есть / в ней я ей доказательство!»⁸ Это круговое рассуждение, в котором одна часть ссылается на другую (если есть душа, то в ней есть «я», если есть «я», то «я» является доказательством души), по силе способно победить всепоглощающий нигилизм и декадентство Крховского, поскольку сама мысль о том, что единение души и тела потенциально возможно, дает человечеству надежду на исправление.

Эту же цель объединить душу и тело, судя по всему, с переменным успехом преследует и Поэт, альтер эго Крховского, – еще одна ипостась лирического субъекта, в которой отражается приоткрываемая Иржи Гашеком изнанка создания образа «кладбищенского» поэта. Неоднократно подчеркивается экзистенциалистский характер образа поэта: он пишет стихи, а «стихи – это... Все и ничего! Высшее

¹ Ibid.: «Sklo třeslo o sklo; sám před prázdným rámem / piju svou krev a střepy s amalgamem»

² Ibid. S. 165: «Všechno je jako dřív; jen trochu jiné»

³ Ibid.: «Objímám vlastní kříž v touze se ohřát»

⁴ Ibid. S. 150: «Prsíčka holubic, obloha – ratolest»

⁵ Ibid. S. 240: «Vyndat trn z prdele? Spíš prdel z trní»

⁶ Ibid.: «UŽ JEN MÁ BEZNADEJ SKÝTÁ MI NADĚJ»

⁷ Ibid.

⁸ Ibid. S. 168: «NEJSEM? – JSEM! I ONA... NENÍ, A PŘESTO JE / – v ní jsem jí důkazem!»

состояние души / души, которая препарирует сама себя вдоль и поперек»¹. Вдохновение (оно же процесс экзистирования, выхода за пределы) поэту приносит его мертвая возлюбленная, Смерть, после прихода которой «везде кровь, осколки, исписанные листы... / Горсть белых волос я вытащил из расчески / почерк узнаю; волосы и себя – нет»². Осколки и метафора «Судного дня в ванной»³ позволяют нам провести параллель между образом Поэта и образом «современного» Иисуса Христа. Экзистенциалистское восприятие бытия, осознание конечности человеческой жизни выражается также в псевдониме Поэта. «Мой псевдоним? – спрашивает лирический субъект в цикле «Последнее письмо» («Poslední list», стихотворения 1997–2003 гг.). – Nomen omen! [Имя – это судьба]»⁴. В переводе с чешского, как уже говорилось, «Krchovský» означает «Кладбищенский», т. е., иными словами, бытие Поэта является экзистенциалистским *бытием-к-смерти*.

И все же – кто этот Поэт? Вся Прага кажется ему иллюзией, «сегодня особенно убедительной»⁵, это лишь личные ощущения одного человека, который иллюзию может расценить как реальность, а реальность – как иллюзию. Сквозь чью призму мы видим реальность (или иллюзии), которые нам преподносят? Если «raison d'être»⁶, как выражается Крховский, – игра, то кто в нее играет? Обращаясь к постмодернистскому мотиву восприятия реальности как текста, который сам создает себе создателя, лирический субъект – альтер-эго Крховского – сам признается, что сконструирован своей поэзией:

«Мои стихи»... Могу ль назвать свои стихи своими?

нет, я их не писал; я был написан ими...⁷

«Еще мгновенье» (пер. наш. – Л.В.)

По мнению современного чешского поэта и литературного критика П. Грушки, феномен постмодернистской игры стал одним из «инструментов для демонтажа “единства великих истин”»⁸, приведшего ко всеобщему «разочарованию». Эта игра отразилась, помимо прочего, в тенденции к преувеличенной «стилизованности» поэзии⁹, т. е., в отечественной терминологии, тенденции к совпадению или несовпадению автора-творца (носителя идейного содержания произведения), автора внутритекстового и лирического субъекта. С помощью такой «стилизации», помимо собственно стилистического обращения к предшествующей традиции (авангард, неоклассицизм, декаданс), авторы, как считает П. Грушка, «могут глубже заглянуть сами в себя и лучше сформулировать самое важное, не разрушив его»¹⁰.

В одном из интервью Иржи Гашек сказал, что он «гипермонотематичный автор»¹¹, что он «все сдирает с себя»¹². Центральной темой его циклов является его собственное я¹³, подающееся с разных ракурсов. На разных уровнях в циклах

¹ Ibid. S. 249: «Báseň je... Nic, a vše! Vyšší stav ducha / ducha, jenž sám sebe skrz naskrz kuchá».

² Ibid. S. 146: «Všude krev, střepy a popsané listy... / hrst bílých vlasů jsem vytrhal z hřebene / rukopis poznávám; vlasy a sebe ne».

³ Ibid. S. 161: «Soudnej den ve vaně».

⁴ Ibid. S. 303: «Můj pseudonym? – Nomen omen!»

⁵ Ibid. S. 113: «Iluze Hradčan je dnes obzvlášť přesvědčivá».

⁶ Ibid. S. 254: «Hra – “raison d'être”».

⁷ Ibid. S. 124: «MĚ “RÝMY”... – MOHU ZVÁT SVÉ BÁSNĚ SVÝMI? / já jsem je nepsal; já byl napsán jimi».

⁸ Hruška P. Poezie // V souřadnicích volnosti. Česká literatura devadesátých let dvacátého století v interpretacích / Red. P. Hruška. Praha, 2008. S. 70.

⁹ Ibid. S. 68.

¹⁰ Ibid.

¹¹ Krchovský J.H. Hypermonotematický zombie. Rozmlouval Ondřej Horák // Tvar. 2005. Roč. 16. №4. S. 4.

¹² Ibid.

¹³ Färber Vr. Vzkazy z nicoty // Literární noviny. 1992. Roč. 3. №23. S. 5.

можно заметить присутствие и автора-творца (собственно Иржи Гашека), и внутритекстового автора (созданного Гашеком «кладбищенского» поэта-неодекадента И.Г. Крховского), и разнообразные ипостаси лирического субъекта, «бесчисленные идиосинкразические “я”»¹. В личности Крховского, таким образом, в разное время сосуществуют и «душа без тела», потерявшая свое место в мире, и «тело без души», удовлетворяющее свои низменные желания, и «современный» Иисус, готовый то ли пожертвовать собой ради человечества, то ли покорно принять свою судьбу и оказаться на кладбище (na krchově).

При этом Иржи Гашек как автор-творец, наблюдая за Крховским, внутритекстовым автором, как за экспериментом, сохраняет дистанцию между ним и собой, подсмеиваясь над его метаниями от одной маски к другой. На этой границе, отмеченной ироническим отношением Иржи Гашека к Крховскому и трагически-саркастическим – Крховского к собственным маскам, по словам чешского литературоведа П. Билека, «растет несоответствие между тематизированным “я” и представлением об авторе, которое мы создаем на основе текста. Таким образом и рождается Крховский»².

Совмещая в личности Крховского, личности Поэта, внутритекстового автора, два варианта барочного мотива расщепления тела и души – «душу без тела» и «тело без души» – и заворачивая их в декадентскую обертку всеобщего морального и физического разложения, Иржи Гашек при всем своем пессимизме («Всем, чем я был, доволен не был, – как он говорит в цикле «Еще мгновенье». – Всему, чем не был, был я рад»³) все же не отказывает в примирении «души» и «тела» ни изображаемой им Личности, ни современной поэзии. Среди масок Поэта есть тот, кто, ощущая себя «современным» Христом, пытается найти компромисс между душой и телом и «поднимает тяжелую чашу искупления»⁴, обращаясь к своему отражению в зеркале, готовый пожертвовать собой ради спасения погрязшего в грехах человечества.

И именно в личности Поэта происходит долгожданное единение Иржи Гашека, автора-творца, как организующего начала, И.Г. Крховского как внутритекстового автора и различных ипостасей лирического субъекта, с помощью которых внутри одной личности Поэта Иржи Гашеком показан диалог нескольких «субличностей», символизирующих мини-вселенную в разуме отдельно взятого человека.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. *Balaščík M.* Princip stínu // *Básně / Krchovský J.H.* Brno, 1998. S. 247–250.
2. *Bílek P.A.* O smyslu grimasy v poezii: Portrét J.H. Krchovského // *Lidové noviny*. 1993. Roč. 6. № 109. Příl. Národní 9. № 19. S. 3.
3. *Färber Vr.* Vzkazy z nicoty // *Literární noviny*. 1992. Roč. 3. № 23. S. 5.
4. *Hruška P.* Poezie // *V souřadnicích volnosti. Česká literatura devadesátých let dvacátého století v interpretacích / Red. P. Hruška.* Praha, 2008. S. 35–71.
5. *Krchovský J.H.* Hypermonotematický zombie. Rozmlouval Ondřej Horák // *Tvar*. 2005. Roč. 16. № 4. S. 4.

¹ *Balaščík M.* Princip stínu // *Básně / Krchovský J.H.* Brno, 1998. S. 247–250.

² *Bílek P.A.* O smyslu grimasy v poezii: Portrét J. H. Krchovského // *Lidové noviny*. 1993. Roč. 6. № 109. Příl. Národní 9. № 19. S. 3.

³ *Krchovský J.H.* 2010. S. 126: «Vším, čím jsem byl, jsem nebyl rád // ... // vším, čím jsem nebyl, byl jsem rád».

⁴ *Ibid.* S. 97: «Pozdvihám těžký pohár k usmíření».

6. *Krchovský J.H.* Básně sebrané. Brno, 2010. 391 s.
7. *Marková E.* Potmě žvýkám svoje srdce: O lyrických subjektech v díle J.H. Krchovského // *Litenky*. 2010. Roč. 6. № 6(44). S. 29–31.
8. *Packová D.* J.H. Krchovský: Už jen beznaděj mé trapné existence skýtá mi naději // *Mláďá fronta Dnes*. 1998. Roč. 9. № 280. S. 16.
9. *Pilař M.* J.H.K: Noci, po nichž nepřichází ráno // *V souřadnicích volnosti. Česká literatura devadesátých let dvacátého století v interpretacích* / Red. P. Hruška. Praha, 2008. S. 95–99.
10. *Reisinger V.* Klíště klíštěti // *Tvar*. 2010. Roč. 21. № 17. S. 21.
11. *Trávníček J.* Ve studených vodách svobody: Česká literatura 1989–2009 // *Host*. 2010. Roč. 26. № 10. S. 33–38.

Сведения об авторе:

Любовь Андреевна Винокурова,
магистрант
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Liubov A. Vinokurova,
Master's Student
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
ficespierre@mail.ru